

нако высшая фаза реализма Пушкина — его творчество 30-х годов — определялась, по мнению докладчика, не только этим, но и новым выдвинутым Пушкиным объяснением взаимоотношений человека и среды — их диалектической взаимосвязью. В произведениях Пушкина 30-х годов идея воздействия на героя среды и обстоятельств дополняется, уточняется и корректируется мыслью о необходимости противостояния героя среде. Поэт в реальной повседневности николаевской России обнаружил живые источники будущего национального развития: те силы, которые противостояли режиму порабощения и насилия. Пафосом творчества Пушкина 30-х годов исследователь считает не обличение действительности, а утверждение идеала, выявление нравственного потенциала личности, готовой отстаивать свои права, не спустить обидчику, вступить в борьбу с насилием и даже поднять бунт.

Глубокая самобытность пути Пушкина-прозаика состояла в том, что, вступив в литературу в период безраздельного господства романтической прозы, он в своих прозаических произведениях с самого начала отказался от романтических жанровых форм, рано осознал односторонность романтического метода и ограниченность романтического взгляда на мир. Романтическая традиция, столь существенная для Пушкина-поэта, на развитии его прозы сказалась в весьма сложном преломлении — главным образом через посредство поэзии, вобравшей и творчески переработавшей лучшие достижения европейского и русского романтизма. Уже в первых своих прозаических опытах он выступил противником «модных» романтических тем и сюжетов, видя свою задачу в создании прозаического повествования нового типа.

В своем докладе «Пушкинская проза и задачи ее изучения» канд. филол. наук Л. С. Сидяков остановился на некоторых, все еще не решенных проблемах эволюции прозы поэта. Прежде всего, считает докладчик, встает вопрос о границах понятия «пушкинская проза» и о месте, которое она занимает в творчестве поэта. В центре внимания многих исследователей оказывалась художественная проза Пушкина, однако ее изолированное изучение вело к неточным и неполным представлениям о специфике прозы в целом. Полное представление о системе прозаических жанров в творчестве Пушкина, подчеркивает докладчик, возникает из совокупности всех форм прозаического повествования Пушкина. Особый круг вопросов встает перед современными исследователями в связи с изучением генезиса прозы у Пушкина. Еще недостаточно выявлены традиции, на которые опирался Пушкин, обращаясь к прозе. В неменьшей степени важно изучить внутренние творческие стимулы перехода поэта к прозе в конце 20-х — начале 30-х годов. Эволюция пушкинского

стихотворного повествования, продемонстрированная на примере «Евгения Онегина», приводит докладчика к выводу, что последние главы романа уже тесно связаны с рядом параллельно возникающих незавершенных прозаических произведений, обнаруживающих свою зависимость от романа в стихах и в свою очередь оказывающих воздействие на завершающий этап работы поэта над романом. Связь прозы и поэзии в творчестве Пушкина не нарушается и впоследствии, причем изменения в его художественной системе 30-х годов во многом предопределяются эволюцией его прозы.

Канд. филол. наук С. А. Фомичев в докладе «От „Руслана и Людмилы“ к „Медному всаднику“» рассмотрел эволюцию поэмы как особой жанровой структуры в творчестве Пушкина. Эволюция Пушкина была достаточно сложной: поэт не создавал жанрового канона и не следовал общепринятому. Каждая последующая поэма Пушкина в жанровом отношении была противопоставлена предыдущей. Когда же в ходе работы над новым произведением появлялась тенденция к стабилизации жанра, поэт оставлял этот замысел. У истоков формирования жанра поэмы стоит «Руслан и Людмила», представляя собой первую, исключительно пушкинскую художественную форму, позволяющую поэту обращаться к предметам высоким, комическим, трогательным и смешным. От «Руслана и Людмилы» тянутся нити к другим пушкинским поэмам. Элегизм лирического плана, возобладавший по мере окончания первой поэмы, становится безраздельным в «Кавказском пленнике», где лирическая тема объективируется в характере героя. Эта первая «байроническая поэма» Пушкина. Но уже в последующих южных поэмах он стремится к преодолению собственного байронизма («Бахчисарайский фонтан»). Достигается это приписываемым поэму лиризмом особого ассоциативного свойства, соотношением происхождения, составляющего фабулу поэмы, с личными переживаниями автора. Благодаря этому смысл поэмы укрупняется, приобретает своеобразную философичность. В ином ракурсе предстает характер байронического героя в «Цыганах». В идиллически нарисованном мире цыган нет развития, есть лишь круговорот. Это в полной мере мир предания, а не мир истории, где необходимо волевое начало. В поэме это начало воплощено в Алеко. Отказ от байронизма, сильной стороной которого была поэтизация сильной личности, приводил к этическому неприятию идеи исторического прогресса. В конце своего доклада С. А. Фомичев остановился на поэме «Медный всадник». У Пушкина до сих пор, подчеркнул он, каждая новая поэма тематически не повторяла предыдущую. «Медный всадник», однако, строится на темах «Полтавы» и «Домика в Коломне». Уже это знаменует завершенность жанра поэмы в творчестве Пушкина.